

Горожанка

Современница

«Чтоб тебе жить в эпоху перемен!» - гласит древнее китайское проклятие. Но кому - проклятие, а для кого-то - судьба: никто не умеет лучше россиян приспосабливаться к сплошным катаклизмам. Взять, к примеру, технические цеха театра оперетты: все течет, все изменяется, а низкая зарплата и при этом необычайная преданность делу у работников остаются. И если кому-то жизнь вдруг показалась похожей на фиговку или помойное ведро - добро пожаловать в сказку, а точнее - туда, где эту сказку создают.

По дороге в Голливуд

Человек потому и человек, что, кроме хлеба, ему еще и зрелища требуются. Ну а если вдруг наступил момент, когда и зрелища не нужны, то это уже диагноз, и срочное лечение просто необходимо. Кстати, экскурсии по театральным цехам пока что - бесплатные, как медицина в добрые старые времена.

Нет денег пойти на спектакль - не беда. Увидеть, как создается недоступное чудо - зрелище ничуть не худшее.

В бутафорский цех совершенно случайно попала к обеденному перерыву. Только там никто не обедал. Все были чем-то заняты.

- Это я тапочки для сына шью, - проследила мой любопытствующий взгляд одна из женщин, - купить не на что, а дома холодно. Пришлось распороть свою старую юбку. Только вы не подумайте, что я это делаю вместо положенной работы. Вот закончится перерыв - и никаких посторонних дел.

- **Что,** - спрашиваю сочувственно, - **зарплата маленькая или ее задерживают?**

- Маленькая, но вовремя, - улыбается женщина.

- **А может,** - искушаю, - **стоит все бросить и заняться чем-то прибыльным? Например, тапочки шить на продажу?**

- Да вы что!!! Мне здесь нравится. О некоторых людях говорят: судьба. Эта работа и есть моя судьба, хоть и попала сюда случайно. Пришла подружке помочь - и осталась. Тут нужно обладать особым умением - из ничего делать что-то.

- **Как так из ничего?**

- Ну, не совсем из ничего. Почти из ничего. Помните декорации к «Холопке»? Там все сверкало и переливалось, а ведь обыкновенные золотинки от конфет и шоколада. Все фантики, что дома были, ради этого блеска выгребли. Мусор - а ведь как красиво получилось!

- **Несомненно. А какой спектакль в данный момент оформляете?**

- Начали было новый спектакль делать «Ах, вышший свет!». Только пришлось работы приостановить - денег нет. Зрители почти не ходят в театр, и нам, соответственно, не на что покупать материал.

- **А вы что, сами материал покупаете?**

- Конечно! Как же иначе? Но, разумеется, мы все по эскизам делаем. Так вот, «Вышший свет» приостановили, а «Золушку» реставрируем. Режиссер ввел нового персонажа - Бегемотика, его раньше не было. Комбинезон - из пошивочного, а мы будем утолщения делать - Бегемотик ведь толстенный.

- **А чем вообще бутафорский цех занимается?**

- Ясное дело - бутафорией. Цветы и головные уборы вы уже видели. Есть еще совочки, веера, сумочки, украшения. В общем, все предметы, которыми будут пользоваться на сцене.

- **А декорации?**

- Каркас делают столяры, а мы уже фактурим под дерево, например. Пойдемте, покажу.

В полумраке соседнего помещения пахло тайной и краской. Загадочно шурились фигурки сказочных див и поблескивал циферблат огромных часов.

- Вот, смотрите, как это выглядит. Сюда художники заходят. Что-то подкрашивают, подновляют.

- **Красиво!**

- Какая уж тут красота? Красоту нужно в театре смотреть. А здесь - рабочий момент.

- **Не скажите!**

Спектакль - хорошо. А декорации в процессе изготовления интересней. Вам бы деньги брать за просмотр, как в Голливуде.

- Какие деньги?! Взрослые перестали в театр ходить! Основной зритель кто? Дети! На себя денег не наскребешь, а уж ребенку не откажешь. Потому и ставят детские спектакли чаще. Вот раньше совсем по-другому было: каждые выходные - в театр всей семьей. А теперь...

- **Скучно же на собственную работу смотреть!**

- Да разве ж в театре на бутафорию смотрят?! Спектакль - это таинство. Там все вместе воспринимается: актеры, музыка, костюмы, свет. Из зрительного зала даже декорации смотрятся иначе, волшебнее.

- **По мне и здесь волшебство!**

- А вы сходите в пошивочный цех. Там еще волшебнее.

- **Неприменно схожу. Только вы, может быть, согласитесь назвать ваши имена?**

- А зачем? Зрителей не должно волновать, кто что делает. Спектакль - особая атмосфера, которую не стоит разбирать на запчасти.

В пошивочном цехе тоже никто не обедал, и работа шла своим чередом.

Ирина Валентиновна Мамонтова, закройщик мужских костюмов, что-то упорно собирала из крошечных кусочков бархата.

- **Это что ж такое?** - спрашиваю.

- Да ничего, - смеется Ирина Валентиновна, - обыкновенное чудо! Был у нас спектакль «Золушка» - стационарный, а стал - выездной. Этот костюм шился на актера маленького и худенького, а теперь ту же роль будет играть мужчина крупный и высокий. Так что выращиваем из мухи слона.

- **И часто приходится «выращивать»?**

- Всякое бывает. Кто-то худеет, кто-то толстеет, кто-то приходит, кто-то уходит.

- **Может, расскажете историю какого-нибудь особенно часто меняющегося костюма?**

- А у нас все костюмы такие. У всех одна судьба. Сначала шьется на конкретного актера, время пройдет - костюм передается для кого-нибудь из хора, а уж напоследок - в балет. По линии уменьшения габаритов.

- **Какие-то смешные случаи из жизни костюмов запомнились?**

- У мужских брюк в балете - застежка сбоку. Но был у нас такой Юра Емельянов, в 1980-81 году ставил с женой номер. Этот Юра все время просил делать гюльфик сзади - так ему танцевать было удобнее. А сейчас по последней моде гюльфик сзади - обычное дело.

- **Ирина Валентиновна, я вижу на каждом эскизе - костюмы для мужчин худых и стройных. Но ведь не все же актеры такие!**

- Не все. Но если художник изобразил персонаж высоким и стройным, придется его таким и делать.

- **Опять чудо?**

- Конечно! Занимаем талию.

Делаем корсеты, утяжки, широкий резиновый пояс - под фрак. В общем, надо, чтобы и «костюмчик сидел», и чтобы актер мог нормально двигаться.

- **Может, еще о каких-нибудь тонкостях расскажете?**

- Да ни за что на свете! Незачем зрителю в наши тайны вникать. Ему - готовый продукт.

- **А как насчет женского костюма? Там, наверное, тайн не меньше? Поверьте что-нибудь,** - прошу Галину Ивановну Афанасьеву, закройщицу женской одежды.

- Все не расскажу, - отвечает она, - а чуть-чуть можно. Например, классический случай: если у платья по бокам сделать черные вставки, то когда действие происходит на черном фоне, силуэт актрисы получается исключительно изящным.

- **Пожалуйста, расскажите о каком-нибудь конкретном костюме и актере.**

- Нелзя, - улыбается Галина Ивановна, - актеры - народ чувствительный, тонко чувствующий, большие дети. Еще обидятся.

- Вот вспомнила один забавный случай, так сказать, раскрывающий тонкости нашей профессии, - снова вступает в разговор Ирина Валентиновна Мамонтова. Привела как-то дочь в детский сад, а воспитательница говорит: «У вас в театре на костюмах такие вышивки красивые, вот бы мне - на платье!». А я ей отвечаю: «У нас не вышивают, только рисуют и

клеят». Все создается из риса, гороха и блесков - эффект потрясающий!

- У нас совсем другая, отличная от ателье технология, - поддерживает разговор Галина Ивановна, - так, как мы, шьют только для сцены. Правда, сейчас зрители уже ничем не удивишь. Раньше были специальные дешевые ткани - тарная, например, или марля. А теперь шьем из дорогих тканей, дешевых - нет. Вот и получается: на сцене и в зрительном зале - одни и те же ткани. Даже школьники, когда с экскурсиями приходят, глядят и не удивляются: «Это мы знаем, это мы видели». Обидно!

- **Галина Ивановна, а как вы театральным закройщиком стали?**

- Случайно. Двадцать шесть лет назад искала работу, а в мастерские требовался красильщик. Завхоз Кузьма Фомич Мешков меня спрашивает: «Красить умеешь?» «Конечно, умею!» - ответила. А сама - бегом в библиотеку, узнавать, как это делается. Кажется, случайность, а на самом деле - судьба. Здесь работают без тринадцатых зарплат и премий. Потому и оседают только по-настоящему одержимые.

- **Вы, наверное, потом где-то еще учились?**

- А как же! Закончила техникум по специальности. Людмила Михайловна Зайкина тогда на этом месте работала. «Иди ко мне, - говорит, - я тебя поднатаскаю. Будешь работать, когда на пенсию пойдешь.» Так и получилось. Ничего другого мне теперь не надо. Здесь не бывает одинаковых дней: ушел из XVI века, оказался в XXI-м. Это необыкновенно интересно. Вы других поспрашивайте - никто никуда уходить не хочет. Вот Мария Андреевна Баранова 34 года здесь проработала, а ведь пришла тоже случайно. Или Веру Николаевну Данилову спросите...

- Я сюда пришла в 1984-м году, - вступила в разговор Вера Николаевна, - была без работы, зашла спросить: «Надо?». «Надо, - говорят, - только временно, на год...» Потом «временно» оставили на три года. Так до сих пор и работаю. Никуда не пойду отсюда, если только не выгонят. Вон, смотрите, Нелли Витальевна Дубова за стенкой прачется. Она тоже - «случайно». Приехала из микрорайона. Нужна была односменная работа. Решила попробовать и до сих пор пробует. Уже 17 лет.

- Даже если отсюда уходят - рано или поздно все равно возвращаются, - добавляет Галина Ивановна - Тамара Дмитриевна Галиаскарова уходила-уходила, а через 14 лет пришла обратно. Так что все мы здесь навсегда.

- А я отсюда уйду при первой возможности, - вмешалась «племя молодое, незнакомое» в лице Елены Александровны Яворской.

- Да куда ты денешься? Соскучишься и вернешься, - засмеялись все, - ты уже мастер. Значит, навсегда: беги - не беги... А говорить можешь все, что угодно!

- Нет ничего постоянного, чем временное, - заключила Галина Ивановна Афанасьева. И все снова засмеялись.

Грустно, когда дети перестают удивляться нехитрым чудесам. Страшно, когда взрослые мечтают лишь о куске хлеба с маслом. Но, слава Богу, есть еще люди, просто любящие свою профессию. Говорят, «американская мечта», тиражируемая чужим Голливудом, спасла штаты в период «великой депрессии». Чем же мы хуже?

Дина СОРОКИНА

